

Язык пыток

Приложение 1
Культура против пыток

18+

Настоящий материал (информация)
произведен, распространен и (или)
направлен иностранным агентом
«Команда против пыток»
либо касается деятельности
иностранных агента
«Команда против пыток»

18+

Многим из тех, кто когда-либо пытался говорить о пытках и государственном насилии со своим окружением, знакома реакция непонимания, отрицания или неверия. Не все готовы высказываться на эти темы — и не только потому, что не хватает нужного словаря, просто в голове и памяти может недоставать опыта столкновения с насилием, пусть хотя бы на уровне наблюдений. Такой барьер зачастую пресекает коммуникацию, а значит, провоцирует молчание. То молчание, с которым мы и стремимся бороться.

Мы постоянно стараемся искать способы, чтобы делать разговор о насилии возможным, чтобы его масштабы и заразность стали понятными тем, кто с ним не сталкивался — или сталкивался, но не смог распознать. Проще всего это сделать через апелляцию к чувствам, эмоциям, ассоциациям. Разговор о насилии не обязательно должен начинаться прямолинейно — да и не со всеми собеседниками такая тактика будет работать. Один из инструментов преодоления молчаливого препятствия — поиск нужных для разговора аналогий там, где они возможны.

Так мы обращаемся к культуре. В этом приложении мы постарались собрать для вас самые разные культурные произведения, объекты и памятные места, знакомство с которыми способно привести нас к мысли о неприемлемости насилия и пыток и о необходимости как можно громче говорить о том, что такая проблема существует. Они принадлежат разным жанрам и эпохам, рассказывают про разные формы произвола — от репрессий до стигматизации инаковых — и нацелены на совершенно разные аудитории. Разумеется, этот список не исчерпывающий, но для кого-то он может оказаться крайне нужным и важным, чтобы как раз получить тот самый чувственный опыт.

В перечне ниже есть и прямые описания, порой без прикрас жестокие, и побочные зарисовки, затрагивающие государственный произвол лишь по касательной, и сюжеты, разглядеть особый посыл в которых можно лишь через метафорическое мышление, — но все они так или иначе позволяют задуматься о том, как опасны и к чему приводят все власть и насилие, автором которых становится государство в лице его представителей и даже целых институтов.

Искусство помогает нам становиться ближе и лучше понимать друг друга. Оно снижает стигмы и подталкивает нас самих к действию, заставляя рассмотреть очевидное под неочевидным углом. Оно даёт опору и исцеляет. Сохраните этот список себе, поделитесь им с теми, с кем вам важно поговорить о силовом произволе, будь то те, кто разделяет ваши убеждения, или же те, кого подобные диалоги отталкивают.

Литература

■ Анатомия распада. Как и почему права человека перестали быть ценностью в современной России — Команда против пыток, 2024

Научно-популярное исследование / Социология правоприменения

Книга, в центре которой находятся реальные случаи государственного насилия над простыми людьми, рассказывает историю современной России и её безразличия к правам человека в разрезе поступательного хронологического анализа права, социологии и политики. Написана простым языком, содержит понятную инфографику и дополнена сюжетными иллюстрациями, в которых рассказывается своя история борьбы человека с системой.

■ Смертная казнь. История и виды высшей меры наказания.

От начала времён до наших дней — Мартен Монестье, 1994

Энциклопедия / Научно-популярное исследование / Социальная антропология / Всемирная история

Перечисление всех видов варварств, которыми государство умерщвляло людей всю историю своего существования, — всё в одной книге как свидетельство хрупкости человеческой жизни перед лицом машины. Книга сопровождается большим количеством иллюстраций и фото, что делает её более пронзительной, наглядной и впечатляющей. Работа акцентируется не столько на философско-этическом аспекте казни, сколько на практике её применения.

■ Мы — Евгений Замятин, 1924

Художественная литература / Роман-антиутопия

Антиутопия, в которой изображено общество будущего, где индивидуальность полностью подавлена тоталитарным режимом, а все аспекты жизни строго регламентированы. Главный герой, инженер Д-503, сталкивается с внутренним кризисом, когда рациональный мир уступает место запретным эмоциям и жажде свободы, что приводит его к опасным размышлениям о сущности человеческого бытия.

■ Архипелаг ГУЛАГ — Александр Солженицын, 1973

Художественное произведение, в основе которого лежит попытка провести социо-историческое исследование

Одно из самых важных и тяжёлых произведений XX века. Книга основана на свидетельствах сотен узников и раскрывает масштабы государственного террора в СССР, показывая, как миллионы людей становились жертвами произвола, доносов, пыток и бесследных расстрелов. Солженицын восстанавливает голоса тех, кого пытались стереть из истории, — от крестьян до учёных, от солдат до священников — и исследует, как тоталитарная система превращает обычных людей в палачей или покорных исполнителей.

Железная пята — Джек Лондон, 1908

Художественная литература / Роман—антиутопия

Произведение о классовой борьбе, государственном насилии и о том, как развивается фашизм, когда правящая элита подавляет демократические и социалистические восстания. Одно из наиболее радикальных, политически заострённых произведений всей американской литературы конца XIX — начала XX века. Этот роман можно расценивать как предупреждение: насилие — не случайность, а инструмент власти для сохранения неравенства; любая диктатура начинается с молчаливого согласия тех, кто предпочитает её не замечать.

Процесс — Франц Кафка, 1925

Художественная литература / Философский роман—антиутопия

Роман в гротескной форме отражает абсурдность бюрократической системы, в которой простой человек, лишённый информации и не имеющий представления о том, как устроены государственные механизмы, оказывается бесправным перед лицом непостижимых обвинений и бессмысленных процедур. Эта книга помогает ощутить чувство тревоги и бессилия, когда система подавляет личность, а правда остаётся недостижимой — что делает её актуальной во все времена, особенно в эпоху сложных социальных и политических структур.

Убить пересмешника — Харпер Ли, 1960

Художественная литература / Роман

Произведение является воплощением борьбы за права чернокожих, многие столетия угнетаемых по всему земному шару. Роман раскрывает вечные темы справедливости, расовой дискриминации, моральной стойкости и взросления. Глазами ребёнка, скаута Финча, читатель видит, как предрассудки и несправедливость калечат жизни, а честность и человечность — даже в проигрышной ситуации — остаются главными ценностями. Книга заставляет задуматься о том, что значит быть по-настоящему порядочным человеком и почему так важно бороться за правду, даже когда весь мир против тебя.

Колымские рассказы — Варлам Шаламов, 1966—1978

Художественная литература, основанная на документальных свидетельствах

Цикл из шести сборников коротких рассказов о жизни в колымских лагерях, написанных бывшим заключённым, провёдшим в ГУЛАГе 17 лет. Шаламов предельно сурово и документально описывает голод, холод, нечеловеческий труд и моральную деградацию, оставляя читателя один на один с мыслью о ценности жизни. Ценно прочесть, чтобы ощутить «колымскую правду» — предельную точку человеческих страданий и стойкости духа.

■ **Один день Ивана Денисовича (Щ–854. Один день одного зэка) — Александр Солженицын, 1962**

Художественная литература / Рассказ

Повесть о типичном дне узника сталинского лагеря, опубликованная благодаря хрущёвской оттепели. Главный герой, Иван Шухов, выживает, цепляясь за человеческое достоинство в нечеловеческих условиях. Произведение стало первым открытым свидетельством о ГУЛАГе внутри СССР и заставило и советских граждан, и весь мир взглянуть правде в глаза. Важно знать это произведение как урок мужества и напоминание о миллионах «невидимых» жертв репрессий.

■ **Гарри Поттер и Дары Смерти — Джоан Роулинг, 2007**

Художественная литература / Драматический роман в жанре фэнтези

Последняя книга саги о Гарри Поттере, показывающая диктатуру Волан-де-Морта в магической Британии и её последующее свержение. В ней показаны многие атрибуты настоящих диктатур: борьба с «внутренними врагами», маргинализация несогласных, атмосфера тоталитарного государства. Присутствуют угроза бесчеловечной казни (поцелуй демонтора) и сцены пыток заклятием Круциатус. Это произведение можно рассматривать как метафору — или даже аллюзию — на многие процессы, сегодня происходящие в мире.

■ **Двести третий день зимы — Ольга Птицева, 2023**

Художественная литература / Роман-антиутопия

Произведение описывает альтернативную Россию, в которой установился тоталитарный режим с вечной зимой и запретом тепла и весны. Дано детальное описание практик государственного давления и насилия и жизни в тоталитарном режиме, приближенное к реальным условиям, — от выдачи продуктовых карточек до устранения несогласных.

■ **День опричника — Владимир Сорокин, 2006**

Художественная литература / Антиутопическая повесть / Сатира

Сюжет разворачивается в 2028 году. Художественная и философская ценность повести заключается в том, что она гrotескно, но пугающе узнаваемо отражает так хорошо знакомые нам механизмы авторитарной власти — от всевластия силовых институтов до обращения к устаревшим практикам управления. По сюжету, в России возрождается опричнина как инструмент тотального контроля, а государство построено на лжи, насилии и абсурдной «традиционности».

■ Ночь в Тлателолько — Элена Понятовска, 1971

Документалистика / Журналистская хроника

Сборник интервью с людьми, пережившими расстрел студенческой демонстрации в Мехико в 1968 году, и родственниками тех, кто погиб. Книга сохраняет память о государственном насилии, показывая, как власти скрывали правду, а обычные граждане сталкивались с произволом армии и полиции. Понятовска фиксирует факты, и тем самым вскрывает систему лжи и подавления, делая «Ночь в Тлателолько» не только историческим документом, но и предостережением против безнаказанности власти.

■ Апофеоз Милиционера — Дмитрий Пригов, 1978

Сатирическая поэзия

В этом произведении автор через абсурд и языковую игру исследует мифологизацию власти и её силовых структур, он превращает образ милиционера в символ системы, где бюрократия, насилие и абсурд сливаются в единый ритуал. Текст, наполненный повторами, канцеляризмами и псевдопафосом, разоблачает механизмы создания «культы порядка», заставляя задуматься о том, как язык и искусство обслуживают власть, а обыденное насилие маскируется под героику. Это не просто пародия, а философская деконструкция советского мифа, актуальная и для современных авторитарных практик.

■ Гроздья гнева — Джон Стейнбек, 1939

Художественная литература / Роман в стиле реализма

Произведение о том, как государственная политика и институциональное пренебрежение приводят к страданиям рабочих-мигрантов во время Великой депрессии. Главный посыл романа — обличение бесчеловечности капиталистической системы, где бедность, эксплуатация и равнодушные властей ломают жизни тысяч «невидимых» людей. Стейнбек показывает, как жадность корпораций и бездействие государства превращают трудящихся в бесправных рабов, а миграцию — в путь отчаяния.

■ Кровавый меридиан — Кормак Маккарти, 1985

Художественная литература / Роман в жанре вестерн

В этой работе автор исследует американскую экспансию и узаконенное насилие, применяемое вдоль границы США и Мексики в середине XIX века. В центре сюжета — банда охотников за скальпами, убивающих ради прибыли и садистского удовольствия, а их предводитель, демонический судья Холден, воплощает абсолютное зло как философскую категорию. Главный посыл романа заключается в том, чтобы показать, что насилие — не аномалия, а фундаментальная часть человеческой природы, которая лишь маскируется под цивилизацией.

— Бойня номер пять, или Крестовый поход детей — Курт Воннегут, 1969

Художественная литература / Научная фантастика / Чёрный юмор / Постмодернизм

Произведение — критика войны, в центре внимания которого находится бомбардировка Дрездена, так и не показанная читателю. Сюжет перемешивает реальные события с фантастикой, тем самым художественно подчёркивая абсурдность войны. Автор показывает, как война становится инструментом бессмысленной жестокости, санкционированной и поощряемой государством. Через сарказм и гротеск автор обличает механизм обесчеловечивания — палачи и жертвы одинаково беспомощны перед машиной насилия.

— Уловка-22 — Джозеф Хеллер, 1961

Художественная литература / Чёрный юмор / Сатира / Военная проза / Абсурдизм

Сатирический взгляд на военные и бюрократические институты, которые эксплуатируют и подвергают не имеющих голоса солдат опасности посредством нерациональных правил, которые нельзя ни соблюсти, ни нарушить. Произведение раскрывает, как власть манипулирует логикой, превращая насилие в норму, а несогласие — в предательство. Это предупреждение о том, что любая система, лишённая человечности, неизбежно становится тиранической.

— Родной сын — Ричард Райт, 1940

Художественная литература / Социальная проза в стиле реализма

Произведение описывает системный расизм и репрессивную роль правовых и социальных институтов, в контексте которых вынужден жить и выживать молодой афроамериканец. Райт показывает, как стигма и бедность формируют ловушку, из которой нет выхода. Главный герой, ставший фигурантом кейса об убийстве, — продукт общества, которое заранее считает его преступником, и его действия становятся неизбежным следствием давления и страха. Государственное насилие здесь проявляется не только в прямом угнетении, но и в структурной несправедливости, которая лишает людей выбора и достоинства.

— Возлюбленная — Тони Моррисон, 1987

Художественная литература / Роман

Роман о наследии рабства и соучастии американских институтов в поддержании расового угнетения и насилия. Моррисон раскрывает, как институт рабства калечит не только тела, но и души, оставляя шрамы на поколениях. Насилие системы — не абстракция, а повседневный ужас, где даже материнская любовь может принять форму убийства как акта «спасения». Государство, разрешающее рабство, становится соучастником этого морального надлома, а его отмена не стирает последствий — травма живёт в памяти, в доме, в самом воздухе. Это роман о том, как историческое насилие прорастает в настоящем, требуя признания и искупления.

■ Крутой маршрут. Хроника времён культа личности — Евгения Гинзбург, 1967

Художественная литература / Роман / Мемуары

Мемуары о времени в тюрьмах и лагерях в эпоху сталинских чисток. Гинзбург описывает шаг за шагом путь от ареста в 1937-м до освобождения в 1955-м — допросы, этапы, Колыму. Книга документирует, как система превращает человека в «номер». Арест по доносу, абсурдные обвинения, ломающие волю допросы, лагерная дегуманизация — Гинзбург показывает не просто жестокость, а ритуализированную систему уничтожения личности. Несмотря на ужасы, она пишет и о дружбе, стихах и силе, которые помогли выжить. Важна как женский взгляд на ГУЛАГ и свидетельство несокрушимости человеческого духа.

■ Слепящая тьма — Артур Кёстлер, 1940

Художественная литература / Роман

Роман, написанный в разгар Второй мировой войны, изображает старого большевика, арестованного и подвергнутого пыткам во имя партии, которую он сам создавал. Кёстлер, сам разочарованный коммунист, исследует тоталитарную систему, обобщает опыт московских процессов 1930-х годов, ставит читателя перед дилеммой — идеология или совесть? — и спрашивает у него, может ли цель оправдывать любые средства её достижения, даже если цена равно человеческой жизни. Иногда произведение критикуется за недостаточный историзм и «антисоветскую пропаганду».

■ 1984 — Джордж Оруэлл, 1949

Художественная литература / Фантастика / Роман-антиутопия

Классический роман-антиутопия об обществе тотального контроля и пыток как метода удержания власти. «Большой Брат» контролирует даже мысли людей через страх, пропаганду и уничтожение приватности. Главный посыл этого произведения, так часто вспоминаемого и цитируемого в последние несколько лет, заключается в том, чтобы показать, как государственное насилие достигает апогея, когда власть вторгается в сознание, переписывает историю и заменяет правду идеологией. Оруэлл предупреждает: любая система, требующая абсолютной лояльности, неизбежно уничтожает человечность.

■ Рассказ служанки — Маргарет Этвуд, 1985

Художественная литература / Фантастика / Роман-антиутопия

Антиутопия о будущем США — стране, превращённой в тоталитарное теократическое государство, где женщины лишены прав, а плодовитые («служанки») становятся собственностью элиты для деторождения. Главная героиня пытается выжить в этом режиме, вспоминая прежнюю свободную жизнь. Этвуд показывает, как система подавления создаётся постепенно — через ограничение прав женщин, цензуру, религиозную демагогию и террор. Насилие здесь не только физическое (казни, изнасилования), но и психологическое: женщины заставляют верить, что их угнетение есть «благо».

■ Допрос под пыткой — Анри Аллег, 1958

Художественное произведение, основанное на автобиографических свидетельствах / Расследование

Автобиографическое свидетельство франко-алжирского журналиста и коммуниста, арестованного в 1957 году во время Алжирской войны за независимость, который описывает месяцы пыток в руках французских военных: избиения, электрошок, утопления, психологическое давление — методы, которые колониальные власти применяли к подозреваемым в связях с Фронтом национального освобождения. Книга разоблачает двойные стандарты государств, которые формально отрицают пытки, но систематически используют их для подавления сопротивления, и показывает, как колониализм превращает насилие в рутинную бюрократическую процедуру: палачи воспринимают пытки как «работу», а жертвы — как «материал».

■ Нацисты. Предостережение истории — Лоуренс Рис, 1997

Публицистика / Документалистика / Мемуары / История войн

Книга, написанная по следам съёмки документального фильма. Она не просто рассказывает о преступлениях Третьего рейха, а показывает, как обычные люди становятся соучастниками зла — через пропаганду, страх, карьеризм или просто бездумное подчинение. Рис через документы, интервью со свидетелями и архивные материалы раскрывает механизмы тоталитарной системы, демонстрируя, что Холокост и нацистские зверства стали возможны в том числе благодаря миллионам тех, кто закрывал глаза на преступления. Для интересующихся историей Холокоста будет интересно прочесть и другие работы Риса, выпущенные после «Нацистов»: «Освенцим. Нацисты и окончательное решение еврейского вопроса» и «Холокост. Новая история».

■ Кухня Дьявола. Преступления Отряда 731 — Сэйити Моримура, 1981

Публицистика / Документалистика / Расследование / История войн

Японский Отряд 731, действовавший под видом «медицинского подразделения», проводил в годы Второй мировой войны бесчеловечные эксперименты на живых людях, включая детей, беременных женщин и военноопленных, испытывая биологическое оружие, изучая пределы выживания при пытках и систематически уничтожая тысячи невинных. Хоть это произведение Моримуры многими считается довольно спорным — в том числе из-за критики достоверности и источников, — оно является важным свидетельством того, что на другом конце планете тоже функционировали многими неизвестные фабрики смерти.

■ Французская сюита — Ирен Немировски, 2005

Художественная литература / Роман

Это произведение показывает государственное насилие не через документальную хронику, а через судьбы обычных людей, раздавленных машиной войны и коллаборационизма. Писательница сама была еврейкой, но хоть она и пыталась отмежеваться от своего происхождения, это не спасло её от гибели в Освенциме. Она описывает жизнь под оккупацией с пронзительной детализацией — страх, предательство, трусость, желание молчать и крошечные проявления человечности становятся здесь главными свидетельствами эпохи. В романе жертвы и палачи ещё не разделены чёткой гранью, а зло проявляется в будничной, почти бытовой жестокости. Публикация книги стала возможной благодаря дочери Немировски, которая нашла черновики много лет спустя после гибели своих родителей.

Кинематограф

■ Тайная жизнь — реж. Терренс Малик, 2019

Историческая драма, основанная на реальных событиях

Показывает историю фермера, отказавшегося воевать на стороне нацистской Германии и казнённого за это, и красочно иллюстрирует механизмы подчинения нацистской диктатуре и давления на несогласных. Фильм не про физические пытки, а про медленное, системное и разрушительное насилие государства — от общественного ostrакизма до бесчеловечного судебного процесса, где любое сопротивление подавляется. Главный герой становится жертвой машины нацистской юстиции, где закон — лишь инструмент для устрашения, а «правда» определяется силой, а не совестью.

■ Люди за солнцем — реж. Моу Дуньфэй, 1988

Исторический фильм / Фильм ужасов / Военная драма

Крайне шокирующее, жестокое и натуралистичное кино, ценность которого не в художественной составляющей, а в посыле, который оно несёт. Лента в деталях показывает медицинские эксперименты японского Отряда 731 над военнопленными и описывает фигуры военных, чьими руками творились все задокументированные зверства, вместе с их праздным и местами отвратительным бытом. В фильме присутствуют сцены насилия над людьми и животными.

■ Официальная версия — реж. Луис Пуэнсо, 1985

Историческая драма

Действие фильма разворачивается в один из самых страшных периодов современной аргентинской истории, когда в 1970–80-х в стране правила военная диктатура. Главная героиня — олицетворение простых граждан — узнаёт, что её приёмная дочь может быть ребёнком «исчезнувших» — жертв хунты, которых убивали, а их детей отдавали семьям, лояльным режиму. Драма описывает все механизмы государственного насилия и сопутствующие индифферентность и молчание тех, кто за ними наблюдает.

■ Чекист — реж. Александр Рогожкин, 1992

Драма

Историческая драма о сотруднике советской ЧК, участвующем в массовых расстрелах во время Красного террора — его попытки оправдать эти поступки приводят к тому, что он лишается рассудка. Фильм о методах, психологии и сюрреализме государственного насилия, об идеологии, оправдывающей жестокость. Для создателей картины террор — это не просто «злые люди у власти», а система, которая калечит всех: и жертв, и палачей. Фильм снят в стилистике театра

абсурда (условные декорации, неестественный свет), чтобы подчеркнуть иррациональность насилия.

— Покаяние — реж. Тенгиз Абуладзе, 1984

Драма

Аллегорическая драма о диктаторе Варламе Аравидзе и его преступлениях. Фильм, запрещённый в СССР первые годы после съёмок, метафорически показывает природу диктатуры и репрессий: «зло, пришедшее к власти, — это тупик». Абуладзе показывает, что преступления режима нельзя просто похоронить — без покаяния и уважения к исторической памяти государственное насилие повторится.

— Жизнь других — реж. Флориан Хенкель фон Доннерсмарк, 2006

Драма / Триллер

Немецкая драма о всесильной тайной полиции Штази в ГДР. Фильм показывает, как тотальный контроль разрушает жизни людей — но в то же время даёт надежду, что человек способен на сочувствие даже внутри репрессивной системы. Главный герой, следящий за представителями культурного мира, проникается их идеями и начинает им сопереживать. Картина напоминает о повседневном давлении аппарата безопасности, о ценности духовного сопротивления и о том, что у каждого из нас всегда есть возможность поступать по совести.

— Сало, или 120 дней Содома — реж. Пьер Паоло Пазолини, 1975

Драма

Скандалный, откровенный и весьма спорный фильм, который критикует авторитаризм и государственные репрессии. С помощью экстремальных образов Пазолини разоблачает фашизм и показывает, как диктатура наслаждается абсолютным контролем над телом и сознанием жертв. Фильм доводит логику государственного террора до абсурда, показывая, что в мире без морали единственный «закон» — это извращённая воля палачей. В основе сюжета — роман де Сада, в фильме присутствуют сцены сексуализированного насилия.

— Капитан Волконогов бежал — реж. Наталья Меркулова и Алексей Чупов, 2021

Драма / Триллер / Сатира

События картины разворачиваются в Ленинграде конца 30-х годов прошлого столетия и повествуют об офицере, оказавшемся перед лицом жестоких реалий правоохранительной системы и морального кризиса в период репрессий. Его бегство становится символом личного протesta против абсурдной системы, отражая конфликт между служебным долгом и собственными человеческими ценностями. Чтобы добиться нравственного освобождения, капитан должен попросить прощения у тех, кого он бессудно пытал, — но это оказывается не так-то просто.

■ Эквилибриум — реж. Курт Уиммер, 2002

Антиутопия / Драма / Постапокалипсис

Фильм показывает мрачное будущее, где правительство подавляет эмоции людей с помощью специального препарата, стремясь создать общество, лишённое страстей. Главный герой, работая на систему, вскоре начинает сомневаться в её правильности и предпринимает рискованный шаг к обретению свободы и настоящей человечности — переходит на сторону тех, с кем он боролся, чтобы победить диктатуру.

■ Пролетая над гнездом кукушки — реж. Милош Форман, 1975

Психоделическая драма / Комедия

Картина погружает зрителя в реальность психиатрической клиники. Главный герой попадает туда на экспертизу, сталкивается с авторитарными порядками, наведёнными внутри, и пытается с ними бороться — но система в итоге оказывается сильнее. Фильм показывает пытки и негуманные методы лечения пациентов, не все из которых действительно больны. Любой протест лишь укрепляет систему, сложившуюся в клинике, а трагическая судьба главного героя в итоге предстаёт метафорой на подавление инакомыслия.

■ Заводной апельсин — реж. Стэнли Кубрик, 1971

Драма / Триллер / Комедия / Чёрный юмор / Фантастика / Антиутопия

Этот фильм — зеркало общества, где насилие рождает насилие, «спасение» часто хуже болезни, а люди кровожаднее преступников. После его просмотра у зрителя возникает вопрос, а не становится ли авторитарное государство тем же насильником, кого оно наказывает? Картина показывает насильтственные коррекционные практики и концентрируется на цикличности жестокости. Интересна они и обилием контрастных художественных приёмов.

■ Таксист — реж. Мартин Скорсезе, 1976

Драма / Неонуар

Главный герой картины — ветеран Вьетнамской войны, брошенный государством, страдающий от одиночества и пытающийся найти себя в мирной жизни. Он оторван от окружающего мира, но может наблюдать за ним как бы со стороны. Однажды он решает вычистить город от «нечисти» и решается на убийства тех, кто, как ему кажется, портит его. По сути, герой берёт в свои руки функции государства, которое сквозь пальцы смотрит на криминальные и социальные проблемы, — но даже в этом не находит отдушину.

■ Пианист — реж. Роман Полански, 2002

Историческая драма / Биография

Один из самых пронзительных и известных фильмов о Холокосте, демонстрирующий хронику государственного террора на примере одной судьбы: польский пианист выживает в руинах Варшавы, наблюдая, как нацисты превращают убийства в рутину. Спасающий его немецкий офицер — лишь исключение, подчёркивающее правило: машина геноцида не оставляет места человечности. Фильм обнажает страшный парадокс — искусство становится последним актом сопротивления в мире, где государство легализовало смерть.

■ Список Шиндлера — реж. Стивен Спилберг, 1993

Историческая драма

История фабриканта, использующего труд евреев во время Второй мировой и тем самым спасающего их от гибели. Картина поднимает множество этических и глубоких морально-философских вопросов, в первую очередь о природе зла, о смелости, противостоянии и о том, как делать свой личный выбор, находясь в тоталитарном аду и балансируя между выгодой, человечностью и совестью.

■ Такси на тёмную сторону — реж. Алекс Гибни, 2007

Документальное кино

Фильм, дающий полное представление о позициях сторонников и противников применения пыток. В центре внимания — политика современных США в части применения пыток, рассказанная через частную историю афганца, забитого насмерть американскими солдатами. Фильм обвиняет власти США в отказе от правовых норм, создании системы безнаказанности и деградации морали в условиях «борьбы с терроризмом».

■ Акт убийства — реж. Джошуа Оппенхаймер и другие

Документальное кино / Историческая драма

Фильм, демонстрирующий, к чему приводит историческое забвение, безнаказанность и попытки умолчать о прошлом. Картина посвящена массовым убийствам в Индонезии 1965–1966 годов, жертвами которых стали около миллиона человек, и тому, как сложилась судьба палачей и злодеев, многие из которых не просто не мучились угрызениями совести, но и до наших дней оставались влиятельными фигурами в стране.

■ Зона интересов — реж. Джонатан Глейзер, 2023

Драма

Ещё одна картина о Холокосте, но на этот раз показывающая жизнь и быт обычной семьи, которая ничем не отличалась бы от других, если бы не дым крематория за забором. Комендант Освенцима Хёсс и его семья наслаждаются жизнью, пока за стенкой ежедневно умирают сотни людей. То, что для одних — трагедия, для других — рутинная необходимость. Два параллельных мира, соединяющихся на одной территории.

■ Общество мёртвых поэтов — реж. Питер Уир, 1989

Трагикомедия

Картина о репрессивной системе образования, где жёсткие традиции заменяют критическое мышление. Хотя фильм не показывает прямое государственное насилие, он раскрывает механизмы подавления личности такими тоталитарными институциями, как школа. Самоубийство одного из учеников как символ уничтожения мечты о будущем; устранение учителя как сигнал осуждения любого вольнодумства; бунт как заведомо проигрышная стратегия — всё это заставляет зрителя задуматься, чем опасно подавление творческого начала.

■ Немыслимое — реж. Грэг Джордан, 2009

Драма / Триллер

Фильм иллюстрирует классическую моральную дилемму и ставит вопрос о пределах допустимого в работе силовых структур. В центре сюжета — подозреваемый в терроризме и агенты спецслужб, которые пытаются выяснить у него местонахождение взрывных устройств массового поражения. По мере того, как таймер адских машин ведёт обратный отсчёт, растёт напряжение и вместе с ним — цена информации. И каждый решает для себя вопрос о готовности совершить немыслимое ради благой цели.

■ Мелочи жизни — реж. Тим Милантс, 2024

Драма

Картина о нелёгком личном выборе между деятельным состраданием и молчаливым согласием с несправедливостью. Такой выбор становится во сто крат сложнее, когда согласие поддерживается общественным мнением и поступить по совести означает подвергнуться осуждению, если не остроклизму. Вторым планом фильм затрагивает тему ирландских «приютов Магдалины» — закрытых воспитательно-исправительных учреждений для «падших женщин».

Музыка и театр

— Статья, которой нет

Влади, 2022

«Я написал трек от лица сотрудников изолятора и колонии, доверительно рассказывающих, как они пытали человека. И от лица пресс-секретаря ведомства. В уголовном кодексе РФ нет статьи за пытки, и до последнего времени их факт отрицался. Часть населения считает, что пытки — это нормально», — рассказывал журналистам исполнитель песни. Этой композицией музыкант и правозащитники подсвечивают проблему невидимости пыток для государства и права.

— Nous sommes ce que nous sommes (Мы такие, какие мы есть)

Песня из мюзикла «Dracula. Entre l'amour et la mort» («Дракула, между любовью и смертью»), 2006

В тексте этой композиции собраны перечисления самых страшных варварств, убийств и пыток за всю историю существования человечества. Песня по сюжету, в основе которого лежит свободная интерпретация романа Брэма Стокера, поётся из будущего, её исполняют сумасшедший Ренфилд, романтик Джонатан и живущий сотни лет старина Дракула, который через призму своей многовековой мудрости будто упрекает современников в том, что людские страдания всё никак не прекратятся и говорит о том, что худшее впереди. Сценическую запись исполнения с русскими субтитрами, начинающуюся со слов «Вы видите так много, но так мало понимаете», можно найти на видеохостингах (как и весь мюзикл).

— Sunday Bloody Sunday (Воскресенье, Кровавое воскресенье)

U2, 1983

Песня — антивоенный манифест, стала символом протеста против насилия и конфликтов в Северной Ирландии. Её название отсылает к двум трагическим событиям: Кровавому воскресенью 1920 года, когда британские силы открыли огонь по зрителям на футбольном матче в Дублине во время Войны за независимость Ирландии, и Кровавому воскресенью 1972 года — расстрелу мирных демонстрантов британскими солдатами в Дерри. Текст выражает отвращение к насилию и многими воспринимается как гимн пацифизму.

— Give Peace a Chance (Дайте миру шанс)

Джон Леннон, 1969

Гимн против санкционированного государством насилия, особенно в контексте войны во Вьетнаме и протестов против насильственных действий правительства США за рубежом. Песня отвергает идеологические споры и призывает к базовой человеческой ценности — миру, выраженной в ёмком повторяющемся припеве: «Всё, что мы говорим — дайте миру шанс».

— **Zombie (Зомби)**

The Cranberries, 1994

Манифест против насилия в Северной Ирландии и терроризма, написанный под впечатлением от теракта, в котором погибли двое детей. Песня обличает бессмысленную жестокость «вечной войны», где все стороны конфликта, будь то государство или «борцы за независимость», теряют человечность. Клип с кадрами вооружённых детей на фоне британских военных и протестов усилил посыл.

— **Fortunate Son (Баловень судьбы)**

Creedence Clearwater Revival, 1969

Песня против войны во Вьетнаме, в которой рассказывается о том, как государство заставляет молодых людей участвовать в жестоком и насильственном конфликте, в то время как привилегированные слои населения избегают призыва на военную службу. Композиция осуждает не только стремление государств развязывать насилие, но и его попытки закрыть глаза на сегрегацию, которую порождает такой лицемерный контекст, поощряя неравенство.

— **Holiday in Cambodia (Каникулы в Камбодже)**

Dead Kennedys, 1980

Саркастическая композиция, разоблачающая лицемерие западного общества и высмеивающая самодовольных псевдоинтеллектуалов, которые романтизируют режим Пол Пота в Камбодже, не понимая ужасов реального геноцида. Жёсткие строки, наполненные политическим смыслом и социальной сатирой, контрастируют с ироничным припевом о «каникулах» в стране убийственных трудовых лагерей. Трек предупреждает об опасности идеологических иллюзий и слепого следования радикальным доктринаам.

— **Fight the Power (Борись с властью)**

Public Enemy, 1989

Песня критикует узаконенное угнетение, расизм и жестокость по отношению к уязвимым группам населения — при этом содержит несколько мощных отсылок к афроамериканской культуре. Также композиция затрагивает проблему полицейского насилия и экономической эксплуатации слабых. Песня — больше, чем констатация проблемы неравенства, это призыв бороться с системой и не закрывать глаза на несправедливость. Трек входит в «500 величайших песен всех времён» по версии журнала Rolling Stone.

■ American Idiot (Американский идиот)

Green Day, 2004

Песня открывает одноимённый альбом, протагонист которого пытается выжить в обществе, полном несправедливости и страдающем коллективными травмами прошлого. Он внутренне протестует — а пластинка представляет собой не сборник отдельных песен, а полноценный сюжет. Сама же песня высмеивает приёмы, которыми ТВ идеализирует окружающую реальность, и критикует пропаганду вместе с людьми, которые склонны на неё бездумно вестись.

■ Police and Thieves (Полиция и воры)

Джуниор Марвин, 1976

Не просто сингл, а целая история. Песня написана как манифест против полицейского бездействия и произвола, в основе методов которого лежат те же орудия и приёмы, что и у бандитов. Она прозвучала на лондонском карнавале 1976 года, который в итоге закончился столкновениями с полицией — в итоге тогда трек был запрещён, но сейчас остаётся визитной карточкой этого мероприятия. Одна из самых известных кавер-версий этой композиции была исполнена группой The Clash.

■ Street Fighting Man (Уличный боец)

The Rolling Stone, 1968

Это рок-композиция была вдохновлена целым рядом протестных событий — антивоенных протестов в Лондоне, закончившихся полицейскими разгонами, и майских событий в Париже 1968 года, когда студенты вышли на улицы выразить своё недовольство. С одной стороны, трек об безысходности («Что ещё остаётся бедному парню кроме рок-н-ролла? Ведь в Лондоне нет места для уличного бойца»), с другой — он всем своим посылом подталкивает к действию.

■ Biko (Дайте миру шанс)

Питер Габриэл, 1980

Песня посвящена южноафриканскому чернокожему активисту и борцу против апартеида Стиву Бико, который умер после незаконного задержания и длительных полицейских пыток. Соединяет в себе сразу несколько языков и ритмов, композиций и сюжетов, в центре которых — идея о неприемлемости насилия и государственного произвола. Какое-то время трек был запрещён в ЮАР, так как власти сочли её вредной и антигосударственной. Считается, что она внесла большой культурный вклад в осознание проблемы апартеида.

■ L.A.P.D. (Полицейский департамент Лос-Анджелеса)

The Offspring, 1992

Песня критикует жестокость лос-анджелесских полицейских, ставшую притчей во языцах в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века. Весной 1992 года, после того как присяжные оправдали офицеров полиции, обвиняемых в избиении чернокожего Родни Кинга, Лос-Анджелес потрясли массовые протесты и вооружённые столкновения с полицией.

■ 1789, Les amants de la Bastille (1789: Любовники Бастилии)

Рок-мюзикл, 2011

Музыкальный спектакль, рассказывающий сразу две параллельные истории: борьбу французской интеллигенции в лице Дантон, Робеспьера и Демулен за революцию, на фоне которой описывается жизнь простого француза, вынужденного выживать в несправедливом обществе и в том числе противостоять силовому произволу. Главным треком мюзикла считается композиция «Ça ira mon amour», в которой Демулен воспевает свободу и счастливое будущее. Заканчивается мюзикл падением Бастилии и принятием первой в мире декларации прав человека. Запись спектакля с русскими субтитрами можно найти на видеохостингах.

■ Час 18

Драматическая пьеса, Театр.doc

Документальная постановка Елены Греминой о смерти юриста Сергея Магнитского в московском СИЗО — название спектакля отсылает к тому, что Магнитский перед гибелью провёл один час 18 минут без медицинской помощи. Пьеса наглядно вскрывающая бюрократическое соучастие в убийстве, стала голосом протesta и мемориалом Магнитскому на театральной сцене.

■ Дело №107365

Документальный спектакль в рамках проекта «Слово новомучеников», Театр.doc

Постановка ставит своей целью поддержание исторической памяти о людях, пострадавших за свою веру в прошлом столетии. В основе разговора лежат дневники и письма членов общины — свидетелей эпохи. Создатели спектакля ставят хотят найти новые способы разговора о трудном прошлом, о гонениях на веру и о судьбах тех, кто из-за них пострадал.

■ Симфония №11 «1905 год»

Дмитрий Шостакович, 1957

Вдохновлена памятью о первой русской революции, особенно о событиях Кровавого воскресенья 9 января 1905 года, когда царские войска расстреляли мирную демонстрацию в Петербурге. Важна как музыкальное свидетельство исторической травмы. Некоторые исследователи видят в этой работе отсылки к венгерскому восстанию 1956 года и сталинским репрессиям.

■ Симфония №13 «Бабий Яр»

Дмитрий Шостакович, 1962

Симфония-вызов, в которой прямо говорится о Холокосте, о сталинском антисемитизме и попытках замолчать массовые убийства евреев. Важна как пример смелости композитора, говорящего правду языком музыки, пробуждая у слушателя сострадание и гражданское чувство. В основе симфонии лежат несколько произведений Евгения Евтушенко, одна из которых «Бабий Яр» — поэма, принёсшая поэту всемирную известность. До середины 60-х годов симфония была запрещена в СССР.

■ Búsqueda (Поиск)

Джеймс Макмиллан, 2018

Музыкальная постановка, вдохновлённая Матерями площади Мая — аргентинским общественным движением женщин, чьи дети (т. н. исчезнувшие) пропали во времена военной диктатуры. В основе произведения лежат стихи матерей, продолжающих искать своих детей, — символ надежды и незаживающей раны. Сочетает в себе латиноамериканский мистицизм, библейские аллюзии и актуальную политическую метафору.

■ Polskie Requiem (Польский реквием)

Кшиштоф Пендерецкий, окончен в 2005-м

Реквием, объединяющий в себе отсылки сразу к нескольким историческим событиям — от расстрела гданьских докеров, боровшихся против диктатуры, до событий Второй мировой войны. В частности, реквием включает в себя мелодии, посвящённые погившим в Освенциме. Это произведение — музыкальное отражение польской исторической памяти в соединении с глубоким уважением к жертвам истории.

Арт-объекты и места памяти

■ Москва. Места памяти

Проект «Мемориала», в рамках которого проходят экскурсии по Москве

В рамках проекта «Москва. Места памяти», реализуемого с 2013 года, в настоящее время проводятся пешие экскурсии по российской столице под общим названием «Топография террора» — например, «Топография террора. Лубянка и окрестности», «Топография террора. Замоскворечье». Эти мероприятия дают возможность лично прочувствовать места, где когда-то от имени государства творились бесчинства.

■ Последний адрес

Международный мемориальный проект

Гражданская инициатива по размещению персональных мемориальных знаков на фасадах домов, ставших последними прижизненными адресами жертв репрессий. Проект стартовал в 2014 году в Москве, со временем расширив свою географию и став международным. Сочетает в себе функции распространения арт-объектов, продвижения исторической памяти и городской экскурсии.

■ Сахаровский центр

Многофункциональная общественная и просветительская площадка в г. Москве

Миссия Сахаровского центра — сохранение и развитие наследия А. Д. Сахарова, формирование исторической памяти о советском тоталитаризме и сопротивлении несвободе, продвижение ценностей свободы, демократии и прав человека, поддержка активной, качественной и свободной дискуссии об актуальных вопросах истории, прав человека и в целом гуманитарных проблем, содействие развитию гражданского общества.

■ Медное

Мемориал в Тверской области

Мемориал жертвам политических репрессий и расстрелянным польским военнопленным близ посёлка Медное в Тверской области. Один из немногих действующих мемориальных объектов России, рассказывающий о жертвах политических репрессий 30-х — 50-х гг. и особенно о расстрелянных польских военнопленных. От случая к случаю проводятся памятные мероприятия и экскурсии.

■ Пермь-36

Мемориальный центр истории политических репрессий в Пермском крае

Единственный сохранившийся на месте исправительно-трудовой лагерь в России, превращённый в музей. Важен, потому что позволяет физически соприкоснуться с историей террора и задуматься, как свобода ценна и хрупка.

■ Соловецкий монастырь

Музей в Архангельской области

Бывший монастырь, превращённый в 1920-е в один из первых советских концлагерей (Соловецкий лагерь особого назначения). Сейчас на Соловках — музей-заповедник, где рассказывают и о монастырской истории, и о лагерной главе. Это место важно как двойной символ: духовного наследия и трагедии, когда место веры стало местом страдания. Соловки учат, что даже самые святые места могут быть осквернены насилием.

■ Бутовский полигон

Мемориальный центр в Московской области

Бывший секретный расстрельный полигон НКВД, где в 1937–38 годах были казнены более 20 тысяч человек. Каждый год 30 октября здесь проходит церемония памяти — «Возвращение имён». Важно посетить, чтобы лично осознать масштаб Большого террора: тысячи фамилий, часто целые семьи, уничтоженные без суда. Бутово служит напоминанием, что жертвами становились самые обычные люди.

■ Еврейский музей

Музей, мемориал, образовательный проект в г. Москве

Часть постоянной экспозиции музея посвящена трагическим событиям Второй мировой войны и Холокосту. Здесь же находится мемориал в память жертв Холокоста. На территории музея действует Центр толерантности — образовательный проект и одновременно площадка для проведения тренингов, научно-популярных дискуссий и других мероприятий на тему гуманистических ценностей.

■ Стена скорби

Монумент в г. Москве

Национальный мемориал жертв политических репрессий, место всенародного скорбного поминования: приходя сюда, люди отдают дань памяти родственникам и всем безвинно погибшим от государственного террора.

■ Зауральная роща

Мемориал памяти жертв политических репрессий в г. Оренбурге

Территория в пойменной части левого берега реки Урал в южной (заречной) части города с конца 1920-х использовалась как место захоронения расстрелянных и умерших в тюрьмах жителей Оренбурга и Оренбургской области. Впоследствии здесь находился спецобъект («база отдыха») НКВД-МГБ, он занимал территорию около 2 га и был обнесён высоким забором. По данным УФСБ по Оренбургской области, в 1930-е – 1950-е здесь было захоронено более 8400 человек, казнённых в Оренбурге. Захоронения производились в ямах и рвах. В 1940-е – 1950-е во время половодья Урал периодически размывал берег, обнажая останки. Пробитая пулями раскрытая книга и сломанная решётка символизируют насильственно оборванную жизнь и одоление произвола.

■ Мaska скорби

Эрнст Неизвестный, скульптура в г. Магадане

Пятнадцатиметровый монумент в виде скорбящего лица, посвящённый погившим узникам Колымы. Этот памятник — художественное осмысление ГУЛАГа: скульптура говорит без слов о том, что миллионы замученных навсегда остались «маской» на лице России, с которой ей предстоит жить.

■ Господи! Помоги мне выжить среди этой смертной любви!

Граффити Дмитрия Врубеля в г. Берлине

На граффити изображён поцелуй генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева и руководителя ГДР Эриха Хонеккера. Название отсылает к жертвам, пытавшимся преодолеть Берлинскую стену в годы разделения Германии. Символизирует репрессивный характер государственного контроля во время Холодной войны.

■ Герника

Полотно Пабло Пикассо, хранящееся в Музее королевы Софии (г. Мадрид)

Огромное чёрно-белое полотно, ставшее символом страданий мирных людей от войны. Написана в ответ на бомбёжку города Герника во время Гражданской войны в Испании. Мощнейший антивоенный крик в истории искусства, напоминающий о судьбах жертв без разбора.

